

Провинциальные очерки ¹⁾.

Всматриваясь близко въ жизнь лазаретовъ и ихъ смѣняющихся обитателей, въ отношеніе къ послѣднимъ русскаго обывательскаго сердца, того, которое еще такъ недавно звали мѣщанскимъ, и которое вдругъ освятилось и зажглось чистымъ пламенемъ состраданія, дивишься, сколько безцѣнныхъ благъ вытекло для Россіи изъ этой жестокой, изъ этой чудовищной войны. Вызванная ею любовь горячимъ потокомъ разлилась по лицу земли русскѣй. Разлилось единеніе и такое, какого не могла бы вызвать самая геніальная проповѣдь. Не будемъ уже говорить о трезвости. Но единеніе! Во-первыхъ съ Польшей: католическіе ксендзы впервые взглянули на русскихъ безъ предубѣжденія и русскіе увидѣли въ нихъ христіанскую, священническую душу. Развѣ не трогательны эти факты, приведенные въ Новомъ Времени:

„Имѣніе (польской помѣщицы) гдѣ лежали раненные, находится отъ православной церкви въ 4 верстахъ, а потому каждый праздникъ къ услугамъ раненныхъ воиновъ управляющій давалъ пару лошадей, запряженныхъ въ большой возъ, ѣхать въ церковь. Кромѣ того, „часто къ намъ приходилъ ксендзъ (живущій въ 1/2 вер. отъ имѣнія), разговаривалъ съ нами и угощалъ папиросами“. Солдаты наши, уроженцы Нижегородской, Тульской губерніи, нашли христіанскій пріютъ у католиковъ, какъ у своихъ родныхъ“.

Пишетъ еще полковой батюшка: „Мнѣ приходится много

¹⁾ Предлагаемые очерки лазаретной жизни написаны еще въ началѣ Всемірной войны. Теперь, когда идетъ столько толковъ объ ея ликвидаціи, мнѣ кажется правильнымъ, при учетѣ всѣхъ обстоятельствъ, напомнить и о той духовной атмосферѣ, въ которой протекало начало войны.
Ред.

встрѣчаться съ католическими священниками. Отношенія устанавливаются самыя лучшія.

„Какъ-то, напутствуя раненыхъ, я натолкнулся на двухъ католиковъ. Выйдя изъ халупы, я увидѣлъ ксендза и предложилъ ему заняться этими ранеными. Ксендзъ сейчасъ же отправился къ нимъ, а затѣмъ очень горячо благодарилъ меня. Я сказалъ ему, что это сдѣлалъ бы всякій православный священникъ и что ничего особеннаго въ этомъ нѣтъ. Но видимо, представленіе о насъ у него было другое“.

И между самими русскими появилась та же живая связь душевнаго единенія. Сошлись въ одномъ чувствѣ, въ одномъ страстномъ желаніи, въ одинаково переживаемыхъ мукахъ и радостяхъ, сошлись люди изъ всѣхъ краевъ государства, различные по національности, привычкамъ и вѣрѣ, сошлись— и стали другъ другу близкими, родными. Далекіе, чуждые узнали другъ друга, и оцѣнили, и полюбили навсегда.

Мало того. Въ лазаретахъ наши обиженные судьбой мужики, еще недавно готовые въ каждомъ „баринѣ“ видѣть врага, встрѣтили барыню-мать и барышню-сестру, — часто единственное существо вносящее свѣтъ и ласку въ томительно однообразные больничные дни. И эта барыня, вчера смотрѣвшая на грубаго, невѣжественнаго мужика, какъ на „дикую и опасную особь“, сегодня увидѣла въ этомъ мужикѣ жертву долга, поняла его душевную красоту, его кротость, терпѣніе, мужество и скромность, безграничную скромность. И при видѣ солдатскаго несчастья, страданій, одиночества („мы здѣсь какъ сироты — въ чужомъ мѣстѣ...“) почувствовала въ себѣ мать, русскую любвеобильную мать съ широкимъ сердцемъ. Почувствовала—и раскрыла объятія. И солдаты глубоко поняли это.

На ряду съ женщиной, явился и мужчина,—интеллигентъ и баринъ, взявшій на себя тяжелый трудъ помощи солдатамъ то въ видѣ санитаря, то на питательныхъ пунктахъ.

Многое, чего не знали прежде, узнали теперь тѣ и другіе, народъ и господа. Встрѣтились открытымъ сердцемъ, эфиромъ условности. Это ли не высшее благо?

* * *

Четверо больныхъ солдатъ — двое русскихъ и два татарина—лежа рядомъ, подружились. Перевели ихъ въ другой

лазаретъ. Они и тамъ устроились вмѣстѣ. Всѣ четверо были запасные, участники японской войны, потерявшіе уже на той войнѣ большую часть здоровья. У всѣхъ дома остались семьи, и—въ неизвѣстности о своей дальнѣйшей судьбѣ—переживали они тутъ довольно тяжелыя недѣли. Одинъ изъ татаръ, обладая спокойнымъ, свѣтлымъ характеромъ, все время утѣшалъ друзей и ободрялъ ихъ надеждой на лучшее, между тѣмъ какъ русскіе, болѣе испытавшіе въ жизни труда и горя, нервничали и мучились.

У второго татарина была рана на ногѣ. Входя въ лазаретъ, онъ еще имѣлъ молодцеватый видъ; въ лазаретѣ заболѣлъ чѣмъ-то внутреннимъ, и съ каждымъ днемъ все болѣе сморщивался и худѣлъ. Но терпѣлъ съ безконечной и ясной кротостью. Умереть ему не хотѣлось: онъ только шесть лѣтъ какъ былъ женатъ. Имѣлъ тронхъ крошекъ-дѣтей: двухъ дѣвочекъ и мальчика. На вопросъ, какъ зовутъ дѣвочекъ, онъ иногда затруднялся отвѣчать. Забывалъ. За то имя мальчика, любимого и единственнаго сына, зналъ хорошо. Иногда видѣлъ его во снѣ и тогда плакалъ. О женѣ онъ кажется считалъ неприличнымъ говорить, но сказалъ разъ, что о немъ тоскуетъ старая мать... Все звалъ насъ къ себѣ на кумысъ, рассказывалъ, съ просіявшимъ добрымъ лицомъ, какъ у нихъ хорошо въ степи. Доброта его и деликатность были удивительны. Какъ оказалось послѣ, онъ, не курившій, все время снабжалъ табакомъ обоихъ русскихъ друзей. За нимъ, какъ нянька, ухаживалъ его невозмутимый соплеменникъ. Нежданно, этого послѣдняго, вмѣстѣ съ обоими русскими, отправили на позиціи; тогда къ больному перебрался и началъ за нимъ ухаживать одинъ тихій русскій съ забинтованной головой. Трогательно было видѣть это... Въ концѣ-концовъ, провалявшись всю зиму по лазаретамъ, „князь“ таки уѣхалъ домой, тѣню самого себя, съ миокардитомъ и анеміей.

Въ лазаретахъ обычно дружатся лежащіе рядомъ, и дѣлятъ между собою каждый принесенный имъ кусокъ. Но это не всегда бываетъ. Есть еще внутренняя тяга симпатіи, которая дѣлаетъ свой выборъ.

Въ 9-й палатѣ лазарета П. М. ¹⁾ лежало пятеро раненыхъ.

¹⁾ Лазаретъ П. не отличался вниманіемъ и заботливостью о солдатахъ со стороны администраціи.

Это была уютная маленькая палата, раненные въ ней были, какъ на подборъ, благодушные и говорили о себѣ, что они всѣ, какъ братья. Это и была правда, но лишь до известной степени.

Самая яркая фигура, бывший уятеръ Бѣлкинъ, самый дѣятельный, живой, остроумный изъ товарищей, ни съ кѣмъ не сошелся сердечно и по отъѣздѣ не вызвалъ сожалѣній, быть можетъ потому, что старался немножко выдѣлиться своей образованностью, на самомъ дѣлѣ незаурядной. Даже можетъ быть и не старался, а это дѣлалось инстинктивно. Человѣкъ же онъ былъ замѣчательно хорошій.

Крайнюю къ окну и наружной стѣнѣ койку занималъ черноволосый мордвинъ Романъ, — сама воплощенная доброта. На лицѣ его, заросшемъ короткою черною бородой, всегда лежала ласковая, покорная улыбка. Онъ былъ одинъ изъ 6-ти братьевъ, которые всѣ ушли на войну; въ мирное же время жили, не дѣлясь, дружной семьей въ 27 душъ, и это при мачихѣ. — Что-жь, спрашиваемъ, вѣрно мачиха очень добрая?—И мачиха ничего. Да ужъ мы таки люди... терпѣливые. Когда посѣтительница читала въ 9-й палатѣ „Пѣсню про купца Калашникова“, о прощаніи купца съ братьями, Романъ замѣтилъ: „вотъ такъ и мы прощались, всѣ братья...“

Потому ли, что дуло изъ окна и отъ стѣны на его койку, или потому что плохая пища не удовлетворяла потребностей его молодецкаго организма, только Романъ пачалъ хирѣть: голова кружилась, контуженные ноги (надсаженные еще въ японскую войну ноской бревенъ въ гору для какой-то военной постройки) болѣли, аппетитъ пропалъ. Съ тою же покорною улыбкой Романушка началъ говорить: „видно мнѣ здѣсь умереть“... „вѣрно ужъ мнѣ отсюда не выйти“. Тогда навѣщавшая 9-ю палату „мамаша“ (такъ солдаты называютъ заботящихся о нихъ пожилыхъ посѣтительницъ) увидѣла, что надо принять мѣры. И припесла на первый разъ — варенья. Лекарство хорошо подѣйствовало: вернуло аппетитъ. На другой день Романъ объявилъ съ удовольствіемъ, что отъ варенья голова у него стала меньше кружиться. „Мамаша“ поняла, что его просто нужно кормить, и съ тѣхъ поръ носила ему — наполовину украдкой, стараясь не попасться на глаза зрителю—кусочки жаркого или пирога. Изъ одного куска не съѣлъ онъ, не подѣлившись съ своимъ

сосѣдомъ Виноградовымъ, хотя тотъ вовсе не былъ такъ сильно боленъ. Тѣмъ не менѣе, когда пришло время развѣжаться, оказалось ясно, что любилъ болѣе всего Романъ не Виноградова, а слѣдующаго по койкѣ Калошу, и Калоша—его. Они и хвалили другъ друга очень въ разговорахъ съ мамашей, и прощались теплѣе, и развѣжавшись, тотчасъ написали одинъ другому.

Товарищескій духъ развитъ у раненыхъ очень сильно. Если куда-нибудь пригласятъ одного, то приходятъ обыкновенно двое, трое; пригласятъ троихъ — приходятъ семеро. Ходить одному по городу для солдата кажется неудобнымъ, почти невозможнымъ. *Одинъ* приходилъ всегда къ упомянутой мамашѣ изъ казармы слабосильной команды лишь молодой полякъ, художникъ, которому было въ тягость общество товарищей; придя одинъ, онъ переставалъ здѣсь чувствовать себя солдатомъ, и хотя на часъ, два, отдыхалъ отъ унижительнаго положенія и чуждой среды. Бывалъ онъ и еще у одной барыни, очень участливой, но какъ только узнавалъ, что мужъ этой барыни—бывшій офицеръ, капитанъ, то немедленно пересталъ ходить къ ней... Почудился наболѣвшему сердцу и тутъ возможный призракъ дисциплины...

Никто такъ не связанъ тѣсными сердечными узами съ товариществомъ, какъ казаки.— „Увидѣлъ на вокзалѣ красные лампасы, обрадовался родному своему, какъ солнышку“, говорилъ донецъ, затерявшійся въ сѣверномъ городѣ, случайно встрѣтивъ другаго донца.

Еще одинъ пожилой уральскій казакъ съ прострѣленной грудью, томившійся въ лазаретѣ П. М., тосковалъ въ бессонныя ночи, чувствуя что ему плохо.— „О чемъ тоска?“ спрашиваемъ.— „О товарищахъ, о лошади“... Писемъ всего жаднѣе ждалъ отъ товарищей, а не изъ дома.— „Забыли тебя товарищи!“ шутили иногда.— „Нѣтъ, этого не можетъ быть, отвѣчалъ онъ твердо“.

Казакъ этотъ, Дмитрій Ивановичъ, или, какъ онъ самъ называлъ себя — Демидъ Ивановичъ,—настолько оригинальна и интересная личность, что я о немъ буду говорить особо.

* * *

Несомнѣнно, тѣ, чего больше всего жаждетъ солдатская душа, перенесшая столько ужасовъ, это—въ нравственной области единое на потребу,—слово Божіе и церковная служба.

На все духовное быстро откликается простое сердце.

Веселый унтеръ-офицеръ Ризниченко застрялъ въ военномъ госпиталѣ. „Мамаша“ изъ лазарета П. принесла, по его просьбѣ, книжечку. Толпа больныхъ сбѣжалась и съ наслажденіемъ и смѣхомъ разбирала сказки и лубочныя картины; Ризниченко слѣдилъ только, чтобъ товарищи не растащили книгъ по другимъ палатамъ. Въ это время сидѣвшая съ нимъ рядомъ посѣтительница сказала вполголоса:

— „Еще я тебѣ принесла акаеистъ Спасителю.“ Лицо Ризниченки мгновенно стало серьезнымъ. Съ значительнымъ взглядомъ онъ отвѣтилъ глубокимъ и тихимъ голосомъ:

„А! вотъ это хорошо“.

Въ лазаретъ П. отъ осени до Рождества не позволяли служить всенощныя и молебны. Надо было видѣть, какъ огорчались солдаты, какъ просили всѣхъ, кого смѣли просить, похлопотать о службахъ.

Былъ въ одномъ лазаретѣ миловидный, румяный, круглый молодой колонистъ Ничке; и былъ въ другомъ лазаретѣ раненый въ бокъ высокій, широкій костью, русскій богатырь Манухинъ. Ихъ обоихъ выпустили въ слабосильную команду, гдѣ они вскорѣ простудились и попали, уже вмѣстѣ, въ военный госпиталь. Оба были хорошіе люди, но совсѣмъ по различному. Религіозности же они были одинаковой.

Ничке выпросилъ у посѣщавшей его барыни нѣмецкое евангеліе и въ долгіе скучные лазаретные дни не выпускалъ его изъ рукъ. Манухину двѣ хорошія дѣвушки учительницы принесли русское евангеліе. Онъ любилъ почитать святую книгу отъ времени до времени, и всегда, послѣ этого чтенія, лицо его измѣнялось, становилось задумчивымъ и кроткимъ, точно душа его освящалась отъ прочитаннаго, и это освященіе отражалось на вѣншности. Въ обычное время Манухинъ былъ скорѣе бойкимъ парнемъ, даже слегка задорнымъ, болталъ съ товарищами, спорилъ, иногда хвасталъ, закручивая усы, своей наружностью... Все это отпадало, какъ только онъ бралъ въ руки Евангеліе.

Нѣмецъ же былъ безукоризненъ и всегда ровенъ. Всегда изумительно терпѣливъ, ясенъ; не хохоталъ, какъ другіе, рѣдко шутилъ; не чуждался русскихъ солдатъ, но и не дружилъ особо ни съ кѣмъ изъ нихъ. Родившись въ Россіи и проживъ всю молодость о бокъ съ крестьянами, онъ совер-

шенно не понималъ русской души. Съ пожилой своей посѣ-
тительницей этотъ юноша сошелся больше. Когда не было
вблизидругихъ солдатъ, онъ велъ съ ней душеспасительные
разговоры, цитируя наизусть евангельскіе тексты, и тонъ у
него при этомъ былъ совсѣмъ, какъ у пастора, что приво-
дило въ умиленіе его собесѣдницу.

Онъ разсказалъ ей свою жизнь. Прямо нѣмецкая идиллія:
въ семьѣ много братьевъ и сестеръ,—не слишкомъ много, а
умѣренно; всѣ въ полномъ повиновеніи у матери; съ разрѣ-
шенія ея ходять на вечеринки танцевать, по ея выбору же-
нятся и выходятъ замужъ, все это въ своей нѣмецкой средѣ,
конечно. У него тоже есть невѣста, одобренная матерью.
Никогда не ссорятся, никогда никакихъ ошибокъ и увле-
ченій у нихъ не бываетъ, а если что и появится, то мать
скоро приведетъ къ порядку.

Въ госпиталь былъ присланъ другой, нѣмецъ, пожилой,
изъ Польши, Клаусъ. Два нѣмца быстро подружились и уже
читали свое евангеліе попеременно. Старый солдатъ былъ
дряхль и разбитъ нервно; онъ плакалъ, говоря о страданіяхъ
польскихъ дѣтей, лишенныхъ родителей и крова, скитаю-
щихся по лѣсамъ.—„У самого нѣтъ хлѣба, а дашь имъ по-
слѣдній кусокъ“, говорилъ онъ. И Ничке, и Клаусъ были
вѣрными подданными Россіи, Клаусъ даже разсказывалъ съ
гордостью, что его младшій братъ заслужилъ Георгія. Тѣмъ
не менѣе въ обоихъ жила какая-то инстинктивная любовь
къ германскому императору. Когда заходила рѣчь о престу-
пленіяхъ Вильгельма, оба нѣмца демонстративно молчали.
Но однажды при такомъ разговорѣ Ничке не выдержалъ.

— „Можетъ быть, кому-нибудь не понравится, началъ онъ,
но я скажу. Зачѣмъ я буду бранить кайзера, когда войну
не кайзеръ строилъ. Да, война не отъ кайзера. Сказано:
„будутъ войны и разговоры о войнахъ“. И: „тому должно
быть“. Это воля Божья, а не кайзера. Сказано: „и волосъ
съ головы не упадетъ иначе, какъ по волѣ Божіей“...“

Не знаю, почему Ничке надѣялся, что его отпустятъ домой,
онъ былъ здоровъ и даже потолстѣлъ отъ бездѣятельной
жизни. Вѣроятно думалъ такъ: послужилъ, ватерпѣлся, и
будетъ. Манухинъ же имѣлъ право надѣяться на отпускъ,
потому что, кромѣ раны, еще хромалъ отъ ревматизма въ
ногѣ. Наконецъ пришелъ для нихъ обоихъ день страшнаго

суда, — день врачебной комисіи. Обоихъ „закатили“ въ строй. Но реагировали они на это различно.

Когда пришла знакомая Ничке, то застала его сидящимъ на своей койкѣ, повидимому спокойно. Вѣдь „волосъ съ головы“... Пожалѣвъ слегка о немъ, посѣтительница стала разсказывать о знакомыхъ ему больныхъ лазарета II, гдѣ отношеніе къ раненымъ оставляло желать многого. Ничке слушалъ, слушалъ, и вдругъ, уронивъ круглую, черную голову на руки, заплакалъ. Онъ плакалъ горько и долго.— „Что съ вами? О чемъ? О чемъ, голубчикъ?“ встревожилась она.— „Вотъ, вы разсказываете...“ отвѣтилъ онъ прерывающимся отъ слезъ голосомъ и не поднимая головы. „Не считаютъ солдата за человѣка... Если бы не знать что Господь защититъ, дать судь обидчикамъ, какъ было бы жить?... Столько несправедливости въ мірѣ...“ рыдалъ онъ, не стыдясь своихъ слезъ и не будучи въ силахъ остановиться. Накопившаяся, долго сдерживаемая личная тоска вылилась въ этихъ слезахъ.

Наплакавшись, онъ неожиданно сказалъ:

— „Удивляюсь Манухину. Нѣтъ, онъ мнѣ не нравится. Когда мы узнали, что насъ отправятъ на позиціи, онъ вышелъ изъ себя, ругался и проклиналъ день своего рожденія. Ну, развѣ это хорошо? Поплакалъ бы, или помолился, а онъ—кричать...“

Лицо нѣмца выразило отвращеніе. Между тѣмъ Манухинъ, изливъ по-русски въ шумномъ порывѣ свое горе, легъ на койку, закрылся съ головой, и теперь лежалъ, не шевелясь. Въ немъ совершался переломъ. Вечеромъ онъ отпросился къ своимъ друзьямъ, учительницамъ, и у нихъ уже плакалъ тихими и покорными слезами. Завилъ горе веревочкой, и пошелъ, больной, опять на службу.

О томъ, что по отношенію не только къ австрійцамъ, но даже къ нѣмцамъ у нашихъ солдатъ нѣтъ ни малѣйшаго озлобленія, я думаю и говорить не стоитъ, такъ это общеизвестно.— „Его дѣло подневольное“, говорятъ они про непріятельскихъ солдатъ. Должна сознаться, что къ этимъ словамъ они часто прибавляютъ „тоже“. Никогда не случается, чтобъ солдаты въ лазаретахъ бранили враговъ. Говорятъ о германцахъ, что они утѣмы, молчатъ, смотрятъ волками, на вопросы отвѣчаютъ отрывисто одно слово: „ней, ней“. (Это

было еще въ началѣ зимы). „Разъ пришли двое сдаваться“, рассказываютъ солдаты, „одинъ полякъ, другой германецъ. Смирные, изголодались, просятъ ѣсть. Накормили мы ихъ. Наѣлся полякъ и—веселый, сидитъ у огня, разговариваетъ. Наѣлся нѣмецъ—и потемнѣлъ. Это, видно, раздумался: зачѣмъ же я пришелъ. Залегъ въ сторонѣ, молчитъ, волкомъ смотритъ. Вотъ какой народъ!“

И это все. Рассказываютъ подобные факты, говорятъ, что „съ германцемъ трудно воевать“, а ненависти, раздраженія противъ германцевъ ни малѣйшаго. Въ одномъ изъ лазаретовъ были хохлы, совершенно разоренные тремя послѣдовавшими войнами (они участвовали и въ китайской). Только что наладятъ бѣдное хозяйство на саженомъ надѣлѣ, или выхлопочутъ себѣ мѣсто, или рабское дѣло начнутъ—жить бы и поправляться—нѣтъ, опять война! Продавай скотъ, бросай дѣло, отказывайся отъ мѣста. Эги несчастные хохлы ругали жестоко, но не германцевъ, а... сербовъ, за то, что они убили Эрцгерцога и вызвали войну.

Военный госпиталь стоялъ вблизи желѣзнодорожной станціи, въ томъ концѣ ея, который наиболѣе удаленъ отъ движенія и публики. Тутъ до Рождества провозили нѣсколько разъ плѣнныхъ австрійцевъ. Прогрѣвъ въ своихъ сизыхъ тонкихъ шинеляхъ, эти разноплеменные бѣдняги подбѣгали къ окнамъ госпиталя просить милостыню. Объяснялись знаками: трясясь отъ холода, показывали пальцами на свой ротъ, поляки говорили: „проше пане“. Наши больные давали имъ всего, чего могли, это была какая-то неисчерпаемая доброта. Въ Рождество, получивъ сахаръ на лотереѣ, Манухинъ сказалъ съ сожалѣніемъ: „Эхъ, досадно, что не раньше педѣлкой выигралъ; я бы тѣмъ австрійкамъ сахарку далъ!“

Пятерыхъ заболѣвшихъ плѣнныхъ славянъ помѣстили въ одну изъ палатъ госпиталя, подъ охраной особаго дневальнаго. Говорить съ ними раненымъ было нельзя, несмотря на большое желаніе съ обѣихъ сторонъ. За то раненыя быстро узнали что новоприбывшіе нуждаются въ табакѣ, сдѣлали складчину и передали имъ три рубля на табакъ. Вошли въ положеніе...

Не знаю, умѣютъ ли „входить въ положеніе“ плѣнныхъ нѣмцы, а союзники наши умѣютъ. Вотъ что пишетъ одна наша студентка изъ Франціи:

„Нѣмцевъ здѣсь держать въ тюрьмѣ. Когда привели плѣнныхъ, всѣ смотрѣли на нихъ съ отвращеніемъ, въ томъ числѣ моя femme de ménage, которая стояла тутъ же съ двумя дѣтьми. Одинъ изъ нѣмцевъ, раненый старикъ, показалъ на дѣтей и поднялъ вверхъ восемь пальцевъ, желая дать понять, что у него осталось дома 8 дѣтей. Femme de ménage рассказываетъ, что отвращеніе въ ней тотчасъ смѣнилось острою жалостью къ этому человѣку. Она поняла его чувства“.

Ежели есть у кого изъ нашихъ въ душѣ озлобленіе противъ нѣмцевъ—и совершенно тѣми заслуженное,—то это у казаковъ, которыхъ нѣмцы свирѣпо мучать, прежде чѣмъ убить. Объ этихъ мучительствахъ рассказывалъ довольно сдержано казакъ Демидъ Ивановичъ, человѣкъ спокойный и полный внутренняго достоинства. Рассказывалъ, не повышая голоса, и только глаза его при этомъ дѣлались острыми, точно у коршуна. Уѣзжая домой на поправку, еще больной, онъ говорилъ въ домѣ знакомаго священника, что его очень обременяетъ шашка, а оставить ее жаль.

— „Востра? полюбопытствовалъ священникъ“.—„Востра, напроць голову отсѣкаетъ“, отвѣтилъ Демидъ Ивановичъ равнодушнымъ, дѣловымъ тономъ. Хозяинъ не ждалъ такого образнаго отвѣта.—„Вы не берете плѣнныхъ?“ спросилъ онъ, помолчавъ минуту.—„Нѣ-ѣтъ, беремъ...“ отвѣтилъ нехотя казакъ, намъ и начальство велитъ брать. Да некогда съ ними тутъ... Ыдешь на развѣдку, а тутъ съ „нимъ“ возись. Главное дѣло—времени нѣтъ...“

Война—дѣло жестокое. Но насколько человѣчнѣе такая мгновенная смерть, чѣмъ мучительная казнь, казнь—пытка, которой германцы подвергаютъ казаковъ!

— „Такая смерть, минутная, для иного счастье“, сказалъ однажды Романъ, человѣкъ, насмотрѣвшийся въ двухъ войнахъ всякаго рода страданій.

Какъ исключеніе, встрѣчаются сострадательные нѣмцы. Рассказывалъ Демидъ Ивановичъ, что однажды германскій офицеръ захватилъ нѣсколько нашихъ раненыхъ солдатъ и съ ними—казака. Зная, что въ лагерѣ казака ждетъ лютая смерть, офицеръ велѣлъ ему наскоро обрѣзать кудри, переменить шаровары и бросить шашку. Въ такомъ видѣ онъ и былъ доставленъ какъ одинъ изъ прочихъ солдатъ.

Впрочемъ возможно, что этотъ сострадательный офицеръ былъ полякомъ.

Поляки—друзья неизмѣнные и благодѣтели для нашихъ солдатъ. Другой случай. Нѣмцы поймали двухъ казаковъ и одного убили, а другого, раздѣвъ до нага, привязали къ пушкѣ, чтобы замучить его утрѣмъ. Сторожить приставили своего солдата. Но солдатъ оказался полякомъ. Ночью онъ отвязалъ казака, и оба убѣжали къ русскимъ.

Хорошую свѣчку должны поставить наши солдаты за простой польскій народъ! И они поставили ее—въ сердцѣ. Бываютъ трогательные случаи. Бравый унтеръ Бѣлкинъ, спасаясь отъ преслѣдованія нѣмцевъ, измученный до крайности, заблудившійся въ лѣсу, былъ встрѣченъ старымъ полякомъ и приведенъ имъ въ хату. Въ хатѣ оказалась и старушка, жена хозяина. Накормили унтера, какъ дорогого гостя, уложили спать, но только что началъ Бѣлкинъ засыпать первымъ сладкимъ сномъ, какъ поднялся на улицѣ шумъ; входитъ хозяинъ и говорить.

—„Жаль будить, а надо уходить гостю: нѣмцы близъ деревни“.

Солдатъ слышалъ, и сдѣлавъ надъ собой усиліе, всталъ... Тогда подошла старая полька и, какъ сына, благословила его на дорогу образкомъ Ченстоховской Божіей Матери. Этотъ образокъ онъ и до сихъ поръ носить на шеѣ.

Одинъ здѣшній офицеръ, сражавшійся подъ Варшавой, былъ очень тронутъ, когда въ букетѣ цвѣтовъ, поданномъ ему польскою пани на улицѣ Варшавы, нашелъ образокъ Ченстоховской Богородицы.

Душевно жалѣютъ наши солдаты разоренныхъ поляковъ. Вотъ что писалъ одинъ солдатъ—вятскій, шедшій съ своимъ полкомъ отъ Варшавы къ Плоцку, когда нѣмецкая лавина хлынула изъ Восточной Пруссіи:

...„очень дорога грязная и дождь идетъ постоянно. Знайте, что поляки убираются изъ деревень, очень плачутъ, тащатъ ребятъ и ведутъ коровъ, свиней, а сами заливаются слезамъ. Я посмотрѣлъ на нихъ, самъ заплакалъ, очень жаль ихъ, бѣдняжекъ“.

Объ одномъ надо молить Бога: чтобъ эта любовь, возникшая между польскимъ и русскимъ народомъ въ дни горькихъ бѣдствій, не умалилась, а жила и росла вѣчно!

Какъ бы ни было хорошо солдатамъ въ лазаретѣ, все же дни кажутся имъ долги, одолеваетъ тоска по семьѣ, по родинѣ, страданія отъ ранъ въ безсонныя ночи развинчиваютъ нервы, сознание, что придется опять и опять переживать весь ужасъ и рискъ войны, хватается за сердце... И потому все, что дѣлается добрыми людьми для ихъ развлечения — хорошая милостыня, истинная служба Богу. Въ лазаретъ П. М. приходили два раза дамы изъ частнаго женскаго училища съ дѣвочкой, которая декламировала стихи „Герой“. Всѣ солдаты плакали, слушая и съ восторгомъ рассказывали знакомымъ:— „Такая маленькая, хорошенькая... и объ насъ же!“ восклицали они. Главное ихъ трогало, что дѣвочка была маленькая и стояла на стулѣ. Надо прибавить что изъ лазарета П. М., какъ и изъ военнаго госпиталя, солдатъ не отпускаютъ на прогулки, и потому для нихъ милостыня развлеченій является милостынею вдвойнѣ дорогою.

Въ военномъ госпиталѣ, въ 1-й день Рождества разыгрывали даровую, конечно, лотерею; можно себѣ представить, сколько это доставило солдатамъ утѣхи! Сколько было смѣха и оживленія! На выигрыши они смотрѣли какъ на указанія судьбы. Кому достанется шапка, тому говорятъ: значить тебѣ домой ѣхать! Кому сумка—значить на позицію.

Манухину достались, кромѣ чая и сахара; еще предметы роскоши: зеркальце, мыло, щетка и гребень. Друзья его, учительницы, шутили надъ нимъ. „Вы—франтъ, вотъ вамъ судьба и послала подходящее!“

Въ одинъ изъ городскихъ кинематографовъ раненыхъ пускали бесплатно. Всѣ раненые и больные солдаты изъ тѣхъ лазаретовъ, откуда ихъ пускаютъ гулять, пользовались этимъ развлеченіемъ ничтоже сумняся. Не такъ отнеслись двое поляковъ. Одинъ изъ нихъ, художникъ Б* говорилъ солдатской „мамашѣ“: „Непріятно видѣть, что почти всѣ мѣста въ кинематографѣ заняты ранеными даромъ. Я подалъ деньги: мнѣ говорятъ: не надо! Я положилъ имъ деньги и прошелъ“.

Унтеръ-офицеръ Дембскій, шляхтичъ по происхожденію, человекъ самолюбивый, былъ оскорбленъ въ электричкѣ. Барышня, выдававшая билеты, спросила его съ насмѣшкой:

— „Много еще васъ тамъ, раненыхъ, дожидается на улицѣ?“

— „Извините, отвѣтили онъ, вспыхнувъ, я прошу у васъ билета за деньги“.

— Нѣтъ, я пошутила, денегъ не нужно...

— „А я даромъ не желаю, послѣ вашихъ словъ“.

И ушелъ.

Кинематографъ, любимое развлеченіе раненыхъ не только здѣсь, но и во Франціи. Вотъ что пишетъ медичка изъ Тулузы.

„Здѣшній аутомоніе устроилъ въ часовнѣ при госпиталѣ кинематографъ для раненыхъ. Этотъ аутомоніе не формалистъ. Монахини, сестры милосердія, тоже принимали дѣятельное участіе въ хлопотахъ по устройству синема. Позвали раненыхъ. Я въ этотъ день была дежурная и тоже пошла туда. Показывали виды Алжира. Большинство раненыхъ—африканскіе стрѣлки. Эти бѣдные червухи, увидѣвъ родину, пришли въ восторгъ, и выражали его очень шумно, по своему обыкновенію: указывали на экранъ пальцами, хохотали... Помнишь Анатоля Франса: „смѣхъ—та же молитва къ Богу“. Я вспомнила это, видя радость больных“.

* * *

Изъ числа „вольныхъ“ друзей раненыхъ есть удивительныя дѣвушки. Учительницы гимназій или городской школы, служащія въ томъ или другомъ учрежденіи, онѣ не принадлежатъ ни къ какой организаціи, но отдаютъ раненымъ массу времени, сердечной теплоты и трудомъ добываемыхъ средствъ. Онѣ регулярно, безъ усталы, посѣщаютъ лазареты, выбирая тѣ изъ нихъ, гдѣ раненымъ скучнѣе живется; заботятся обо всемъ, что нужно ихъ больнымъ друзьямъ, а по выходѣ раненаго изъ лазарета, принимаютъ его у себя, какъ дорогого гостя. Обычно и въ семьѣ такой дѣвушки всѣ,—до прислуги включительно,—любятъ солдатъ. И солдаты платятъ своимъ добровольнымъ попечительницамъ теплою привязанностью. Чистота этой привязанности—съ той и другой стороны—представляетъ собою по истинѣ что-то небесное. Никогда раненый, не только больной, но и выздоровѣвшій, не увидитъ въ такой дѣвушкѣ женщину, а лишь вѣрнаго и надежнаго друга изъ другой среды. Онъ можетъ называть ее по обычаю сестрой, даже считать сестрой въ душѣ, но всегда помнить, что эта дѣвушка—„не наша сестра“, и можетъ быть для него лишь ангеломъ-хранителемъ. Я не гс-

верю, что такихъ дѣвушекъ, доброволицъ милосердія, много; ихъ немного, но тѣмъ болѣе чести для тѣхъ, которыя есть.

Людымъ, начитавшихся французскихъ и русскихъ романовъ послѣдняго времени не мѣшало бы понаблюдать эти отношенія, гдѣ нѣтъ ни взгляда, ни мысли, ни даже тѣни мысли о чемъ-нибудь плотскомъ.

И нельзя сказать, чтобъ раненные были вовсе нечувствительны къ очарованію женственности. „Когда я вхожу въ лазаретъ, говорила „мамаша“— раненные довольны; а когда входитъ близкая мнѣ дѣвушка съ своей молодой, торжествующей улыбкой, лица всѣхъ озаряются радостью“. Но все это и просто, и свято.

Бываютъ романы между ранеными и сидѣлками; случается, что сестра милосердія, изъ новѣйшей формаціи гимназистокъ, неосторожно пококетничаетъ съ кавказцемъ, что для послѣдняго кончается печально. — но тѣ дѣвушки, о которыхъ я говорю, могутъ безъ опасенія отдавать свою дружбу и свои теплыя заботы даже самому пылкому изъ кавказцевъ. Онѣ ограждены своею серьезностью и искренностью, равно какъ дѣйствительною и высокою чистотою народной души, отразившейся лучшими своими сторонами въ нашихъ раненныхъ.

Любовь раненныхъ къ своимъ друзьямъ выражается ярче въ письмахъ, нежели въ повседневномъ обиходѣ. Такъ, Манухинъ, звавшій учительницъ по имени и отчеству, въ письмахъ, благодаря ихъ за все, называетъ уже ласковѣе, уменьшительнымъ: Оля, Аннушка... Такъ, мамашѣ лазарета П. М. пишетъ одинъ несчастный солдатикъ, истерзанный, кромѣ болѣзни, еще тайными домашними тревогами, повѣренной которыхъ она была:

„Любезная маменька, я сочувствую и сознаю васъ въ своемъ сердцѣ, какъ за свою родную мать, которой у меня уже нѣтъ двадцать лѣтъ, я теперь очень обрадовался вамъ, что мнѣ Господь Богъ создалъ васъ, я теперь чувствую васъ въ своемъ сердцѣ, и простите вы меня за это, и пѣлую я васъ заочно нѣсколько разъ, дорогая и любезная моя маминька“...

Нельзя не пожалѣть—и глубоко,—что изъ числа лицъ, имѣющихъ оффиціальное отношеніе къ лазаретамъ, попадаютъ нерѣдко люди, совершенно чуждые духу любви и разумной

заботы о раненыхъ. Недаромъ успѣла уже сложиться поговорка: „кому война—горе, а кому и радость“. Есть люди, которые смотрять на раненыхъ, какъ на матерьялъ для личной наживы; другіе видять въ нихъ безправный объектъ для произвола. Въ тѣхъ лазаретахъ, гдѣ попечительница (всегда избираемая изъ высшаго общества)—хорошій и отзывчивый человекъ, никакой произволъ не сможетъ омрачить жизнь раненыхъ; тамъ же гдѣ попечительница стоитъ далеко, не входитъ душой въ дѣла лазарета и довѣряетъ по-барски смотрителю,—тамъ раненымъ не всегда легко живется.

Но золотое сердце „вольного“ обывателя при каждомъ случаѣ остается вѣрно себѣ.

Въ концѣ осени изъ лазарета П. М. вышло двое высокихъ и бравыхъ молодцовъ: ефрейторъ Симоновъ и старшій унтеръ Басанскій. Противъ обыкновенія, они прожили нѣсколько времени при казармѣ, прежде чѣмъ были отправлены на позиціи. Они воспользовались своею свободой, чтобъ побѣгать по городу послѣ затвора. Но они не только гуляли, а посѣщали и церковь. Въ воскресенье утромъ они явились къ священнику, пришедшемуся имъ по душѣ, съ просьбой исповѣдать ихъ. Священникъ охотно исполнилъ ихъ желаніе, исповѣдалъ ихъ, причастилъ за обѣдней, и сказалъ молящимся краткую рѣчь по поводу того, что вотъ защитники отечества передъ отъѣздомъ, можетъ быть на смерть, пожелали исполнить христіанскій долгъ... Едва служба кончилась, нашихъ молодцовъ обступили со всѣхъ сторонъ; каждый звалъ ихъ въ гости, на чашку чая, каждый совалъ имъ въ руки денегъ. Люди гордые, они хотѣли отказаться отъ подарковъ — напрасно! Ихъ заставили принять больше десяти рублей. На чашки чая ко всѣмъ пригласившимъ они ходили каждый день до самаго отъѣзда.

Сибирякъ Ризниченко былъ выписанъ изъ лазарета П. М. въ слабосильную команду, гдѣ пролежалъ нѣсколько недѣль на нарахъ и затѣмъ исчезъ изъ кругозора мамыши. Уже спустя долгое время отыскала она его въ военномъ госпиталѣ и не безъ труда и неприятностей добилась свиданія. Это было ранѣе посѣщенія гр. Воронцова, послѣ котораго смягчилось многое. Но тогда въ военномъ госпиталѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ лазаретахъ, администрація смотрѣла на посѣтителей почти какъ на своихъ личныхъ вра-

говъ. Мамаша нашла Ризниченку совсѣмъ заброшеннымъ, забытымъ всѣми, безъ писемъ изъ дома, безъ копейки денегъ, безъ книгъ и безъ табаку. Подумавъ хорошенько о его положеніи, она поняла, что одна она можетъ для него очень мало сдѣлать, а хотѣлось бы на сколько возможно скрасить его несчастливую молодую жизнь.. Ей пришла въ голову счастливая мысль; она послала въ мѣстную газету объявленіе: „просятъ добрыхъ людей навѣщать больного и одинокаго сибярика Р. тамъ-то“. Послала она это въ пятницу и, не ожидая скорыхъ послѣдствій, явилась въ госпиталь въ воскресенье съ маленькимъ сверткомъ табаку въ рукахъ. Уже отворившій ей дневальный съ улыбкой сказалъ: „Сегодня у Ризниченко все время гости“. Дѣйствительно, войдя въ палату, она увидѣла Ризниченка, сидящимъ на кровати посреди своихъ сокровищъ: дорогихъ конфетъ, ящичковъ съ папиросами, чая, сахара, пироговъ и проч., а передъ нимъ полукругъ дамъ и гимназистовъ. Одни уходили, другіе немедленно являлись на смѣну съ полными руками. Мамаша только расмѣялась издали Ризниченкѣ и прошла въ другую палату, отдавъ въ коридорѣ свой жалкій полуфунтикъ махорки бѣдному солдату, жадно поглядывавшему на ея руки.

Рѣдка посѣщеній и подарковъ не изсякала до самаго отъѣзда Ризниченки. Онъ былъ интересенъ, когда на своихъ больныхъ ногахъ обходилъ палату во время чая, съ банкой варенья въ рукахъ, и одѣлялъ всѣхъ товарищей по чайной ложечкѣ. А кончивъ, усѣвшись къ своему столу, ловкимъ и рассчитаннымъ движеніемъ перебрасывалъ ложечку черезъ палату, прямо въ руки татарину Абдулину, владѣльцу ложечки. Ризниченко былъ ловокъ и уменъ, не безъ гордости сообщилъ онъ мамашѣ, что кончилъ гимнастику „по первому разряду“. Чрезвычайно жаль видѣть такихъ людей не въ рядахъ арміи, а влачащихъ бесполезное и безрадостное существованіе въ лазаретахъ, гдѣ рѣдко выздоравливаютъ отъ ревматизма.

* * *

Ризниченку, душа открытая, не имѣлъ секретовъ отъ своей „мамаша“. Другіе—не такъ. Сказывалась ли въ этомъ врожденная скрытность сѣверянъ, или отзвукъ безсознательнаго недовѣрія къ „барынь“, только часто случалось, что и самый

близкій изъ „сынковъ“ уѣзжалъ, не повѣривъ ей какой-нибудь лежавшей у него глубоко на душѣ тайну. За то эту заботу немедленно принимали на себя товарищи и открывали мамашѣ его секретъ. Бывало впрочемъ и такъ: ближайшему сосѣду и другу раненый не откроетъ своей задушевной тайны, а откроетъ ее мамашѣ.

Изъ четырехъ упомянутыхъ ранѣе друзей, одинъ былъ изъ Вятской губерніи, по фамиліи Переваловъ, интересный человекъ, видавшій многое, талантливый рассказчикъ, натура горячая и увлекающаяся, георгиевскій кавалеръ за японскую войну. Лежа въ лазаретѣ П. М., онъ сильно нуждался въ деньгахъ, но скрывалъ это отъ мамыши, она же не догадывалась, зная, что семья его зажиточная. Лишь послѣ его отъѣзда больной „князь“ сообщилъ ей, что у Перевалова не было ни копейки, сообщилъ и причину этого: взявъ изъ дома на войну сто рублей, Переваловъ проигралъ 80-ть и потому просить изъ дома не считалъ себя вправѣ. Впрочемъ, получивъ отъ мамыши соответственное письменное наставленіе, съ приложеніемъ трехъ рублей, Переваловъ пересталъ стѣсняться и уже частенько просилъ ее послать въ окопы того или другого. „Колбаски намъ хочется“... „Сладенькаго хочется“...—Выдумываютъ тамъ, замѣчалъ ворчливо князь, узнавъ объ этихъ прихотяхъ. Самъ онъ былъ разсудителенъ, всегда имѣлъ при себѣ деньги и ничего не выпрашивалъ.

У Бѣлкина тоже былъ секретъ.

Съ Бѣлкинымъ мамаша познакомилась такъ.

Вереница вновь прибывшихъ раненыхъ поднималась по чугунной лѣстницѣ въ 3-й этажъ лазарета П. М. Мамаша сходила по той же лѣстницѣ имъ на встрѣчу. Было три лѣстницы и на площадки никто, конечно, не догадался поставить хотя бы по скамейкѣ для отдыха больнымъ людямъ. Одинъ изъ раненыхъ, съ большимъ трудомъ поднимавшійся на двухъ костыляхъ, остановился на площадкѣ и съ вздохомъ сказалъ:

— „Еще лѣстница... Какъ высоко!“

— Дай, я тебя повесу! отвѣтилъ шедшій рядомъ съ нимъ коренастый молодецъ съ подвязанною рукою.

— „Нѣтъ ужъ дойду“.

— Какъ васъ зовутъ? спросила мамаша того, который предлагалъ нести товарища.

Солдатъ повернулъ къ ней славное мужественное лицо съ выразительными чертами.

— „Бѣлкинъ, раненъ подѣ Лодзью“, четко и ясно отрапортовалъ онъ.

Въ слѣдующіе дни мамаша не могла найти Бѣлкина между множества вновь прибывшихъ и рѣшила написать ему письмо на удачу. Письмо дошло. Онъ тотчасъ отвѣтилъ прекраснымъ почеркомъ и въ правильныхъ выраженіяхъ. Благодарилъ за участіе.— „Такое материнское отношеніе сильно дѣйствуетъ на насъ, военныхъ“, писалъ онъ.

„Военныхъ“... Простой солдатъ не сказалъ бы этого.

Мамаша отыскала Бѣлкина въ маленькой 9-й палатѣ и застала его за чтеніемъ книги Діонео „Англія“. И палата, и обитатели ея сразу пришли ей по сердцу.

Мало по малу Бѣлкинъ рассказалъ ей свою жизнь. Онъ сѣверянинъ изъ большой и зажиточной семьи; младшій братъ его кончаетъ въ средне-учебномъ заведеніи; самъ онъ женатъ и у него двое дѣтей; добрый тесть въ его отсутствіе строить для него избу, такъ какъ послѣ войны надо дѣлиться. Бѣлкинъ участвовалъ и въ японской войнѣ, потомъ служилъ на желѣзной дорогѣ. Есть еще братья; выросли всѣ уже безъ матери и потому не знали ласки; у нихъ мачеха, и не такая добрая, какъ у Романа.

Все рассказалъ о себѣ Бѣлкинъ, только одно скрылъ: то, что съ этимъ Романомъ онъ былъ знакомъ уже ранѣе...

Сидя однажды наединѣ съ мамашей, онъ, предварительно извинившись, спросилъ и ее объ ея обстоятельствахъ; она рассказала ему все, пережитое ею, безъ утайки. Онъ слѣдиль съ интересомъ за ея рассказомъ.

— „Д-да! видно, не проживешь всю жизнь въ одномъ положеніи“, вымолвилъ онъ печально и какъ будто думая о чемъ то своемъ. Потомъ, опять слѣдуя за нитью собственныхъ мыслей, прибавилъ:

— „Я былъ прежде гораздо добрѣе... На службѣ у меня характеръ много испортился“.

— Ну, ты и теперь добрый, возразила она и этимъ разговоръ кончился.

Едва Бѣлкинъ уѣхалъ изъ лазарета, какъ Романъ объявилъ во всеуслышаніе.

— „А я этого Бѣлкина знавалъ на войнѣ, въ городѣ Ма-

ріумполѣ. Онъ тогда унтеръ-офицеръ былъ. Взводнымъ. Я удивился, что онъ здѣсь рядовой“.

— Что ты говоришь! Почему же это такъ?

— „Я его спрашивалъ. Онъ разсказалъ. Розжаловали“.

— За что? Да можетъ ли это быть?

— „Отпустилъ штрафного. Его командировали, чтобъ отвести штрафного солдата въ крѣпость. Солдатъ-то и сталъ просить: отпусти де меня ненадолго, проститься, что-ли, съ кѣмъ. А Бѣлкинъ повѣрилъ его слову, отпустилъ. Тотъ и махнулъ за-границу, тамъ вѣдь граница близко. Да ладно еще, поймали. Ну, Бѣлкинъ сидѣлъ 8 сутокъ—и разжаловали. Еще счастливъ, что на добраго командира попалъ, а то бы ему плохо было“.

— Такъ вотъ почему, подумала мамаша, характеръ у тебя испортился, бѣдный! И какъ это я не догадалась, что онъ унтеръ? Вылитый унтеръ: и голосъ ясный, звучный, привычный къ командѣ, и манера рѣшительная... Недаромъ же вдругъ измѣнилось его лицо, мрачное стало, когда старый тарасъ назвалъ его, шутя, „сѣрымъ набрюшникомъ“, его, недавняго взводнаго...

Впрочемъ теперь это все кончено.—„Ну вотъ, я и опять мужикъ!“ сказалъ Бѣлкинъ, уѣзжая. Его отпустили въ чистую по слабости зрѣнія, попорченнаго огнемъ военныхъ взрывовъ и шрапнелей и прочихъ ужасныхъ фейерверковъ войны.

* * *

Еще изъ писемъ студентки.

„Въ Англіи мнѣ помогали дорогой сектанты, которые возятъ Евангелія во французскую и бельгійскую армію и раздають солдатамъ. Мнѣ они тоже дали Евангеліе. Какъ хорошо одѣты англійскіе солдаты! Даже жаль, что имъ придется ложиться на землю въ такихъ великолѣпныхъ костюмахъ. Бельгійскія женщины перебѣгаютъ границу, рискуя жизнью, чтобъ увидѣть своихъ мужей, которые бьются во Франціи. Я вѣхала съ тремя такими героинями.

„Англійскихъ солдатъ возятъ во II классъ, а французскихъ—въ III-мъ. Для раненыхъ—великолѣпные вагоны, особенно англійскіе. Бельгійки мнѣ разсказывали, что бѣдствія у нихъ ужасны, и еще, — что король Альбертъ давно ожи-

дать нѣмецкаго вторженія въ случаѣ войны и готовился къ этому“.

Тулуза, 1-е Февраля.

„У насъ выпалъ снѣгъ и подмерзло. День солнечный. Очень красиво. Портитъ впечатлѣнныя мысли, что этотъ снѣгъ покрылъ и солдатъ въ траншеяхъ. Они очень страдаютъ отъ холода, и несмотря на то, что до сихъ поръ температура не была ниже нуля, обмораживаютъ себѣ ноги.“

Здѣшніе раненные по большей части африканцы. Солдатъ алжирцевъ встрѣчается тоже много. Они имѣютъ унылый видъ по случаю снѣга, хотя одѣты превосходно. Казалось бы даже, что имъ должно быть слишкомъ жарко въ ихъ широкихъ панталонахъ и чалмахъ. Раненные сидятъ цѣлый день въ саду или играютъ шарами, тѣ, которые могутъ.

Мимо Тулузы прошли на войну горцы съ Пиринеевъ. Богатыри, поразительно хороши собой, и одежда на нихъ своя, шикарная. Крестьянѣ здѣсь на югѣ очень богаты. *Petite bourgeoisie* ничего не стоитъ. *Donillets, n'aiment pas à se déranger.* Отлыниваютъ отъ трудной службы.

Бѣдныя огромныя лошади тоже отправились на войну. Онѣ здѣсь привыкли къ комфорту, имѣтъ непромокаемый плащъ, одѣяло, и къ хорошему обращенію. А тутъ вдругъ подъ шрапнель и пули.

Отрадно видѣтъ, какъ здѣсь дорожатъ защитниками родины и цѣнятъ ихъ. Французы называютъ солдатъ *mon enfant*, всѣхъ безъ исключенія. Съ раненымъ всѣ здороваются при встрѣчѣ: это—дань уваженія къ его страданію.

Здѣсь у раненныхъ солдатъ тоже выраженіе кротости и грусти въ глазахъ, какъ и у нашихъ, русскихъ“...

Уваженіе къ солдату и его самоотверженному ратному труду— вотъ что мы еще только начали понимать и чему многимъ и многимъ изъ насъ не мѣшало бы поучиться у французозъ. Та безграничная благодарность, съ какою наши солдаты встрѣчаютъ каждый разъ теплое и сердечное къ нимъ отношеніе, доказываетъ, что не такъ уже часто ихъ пригрѣвали лаской. А они къ ласкѣ очень чувствительны. Иной, весь заросшій черными волосами пожилой грузинъ или мивгрелецъ жалуется навѣстившей его барышнѣ-другу:

—„Здѣсь съ нами никто не ласковъ...“

Изъ раненныхъ, лежавшихъ въ лазаретѣ П.* „мамаша“

имѣла нѣкоторыхъ, наиболѣе близкихъ. Оближеніе съ ними всегда начиналось одинаково.

Походишь нѣсколько дней, считаешь имъ, принесешь кому чего нужно. Помнишь болѣзнь каждаго и освѣдомляешься, прошла ли у того бессонница, начинается ли у другого сгибаться прострѣленная рука... Привыкають знать, что они кому-то дороги, кто-то о нихъ заботится... Начинають рассказывать о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Потомъ, въ одинъ день, каждый изъ нихъ непременно скажетъ:

— „У насъ здѣсь нѣтъ отца и матери; вы намъ какъ мать.

И съ тѣхъ поръ мы съ нимъ уже свои“.

Что всего болѣе трогаетъ въ нашихъ солдатахъ—это полное отсутствіе позы, рисовки. Они иногда называютъ себя героями, особенно въ письмахъ, но это лишь изъ подражанія „хорошему тону“, вычитавъ это выраженіе въ газетахъ, наслушавшись отъ „умныхъ людей“. Въ началѣ войны этого не было. Одинъ суетливый солдатикъ, попавъ въ лазаретъ, все ждалъ и не могъ дожидаться вѣсти о нашей рѣшительной побѣдѣ надъ врагомъ. — „Героевъ у насъ нѣтъ! сокрушался онъ. Вотъ въ чемъ бѣда. Кабы герой объявился!“—и былъ удивленъ, когда сестра возразила ему:

— Вы всѣ—герои.

Онъ воображалъ героя въ родѣ Александра Македонскаго или, въ крайнемъ случаѣ, Ильи Муромца, а тутъ ему говорятъ что они сами, ничтожные изъ ничтожныхъ, всѣ герои!

Несомнѣнно, когда унтеръ-офицеръ Ризниченко, просидѣвшій ночь въ болотѣ Восточной Пруссіи, шатаясь на своихъ больныхъ ногахъ, и прибирая оставленные посѣтителеми подарки, говоритъ: „Вотъ это я буду раздавать, когда вернусь на позиціи“, и на вопросъ: „Развѣ тебѣ хочется туда?“ озабоченно и строго отвѣчаетъ:

— Да какъ-же? Вѣдь *надо!* Затѣмъ шли...

То это настоящій героизмъ. Спокойный и не вмѣняющій себя героизмъ, который—надо сказать правду—въ лазаретахъ не часто встрѣчается. Раненые всѣ, или большая часть, сдѣлали свое дѣло честно и найдутъ въ себѣ достаточно мужества, чтобъ исполнить его еще разъ тамъ, на войнѣ, если имъ не удастся избѣжать возвращенія туда; но въ лазаретахъ они киснуть и страстно мечтають о домѣ и домашнихъ. Это и понятно. Долги лазаретные дни, еще дольше

безсонныя ночи, много неотвязныхъ мыслей лѣзетъ въ голову, много тоски о близкихъ сердцу, тревоги о своихъ домашнихъ дѣлахъ перечувствуютъ раненые, много разъ во снѣ увидятъ жену, дѣтей, мать, братьевъ-солдатъ, работниковъ семьи, возвратившимися будто бы съ войны невредимыми, а проснувшись, увидятъ себя одинокими въ сѣрыхъ, не всегда пріютныхъ стѣнахъ. Мужество падаетъ. Случается слышать: „Дуракъ я, что не далъ отрѣзать пальцевъ! Отпустили бы домой!“

Или:

— „Какъ я сегодня плакалъ во снѣ! Своихъ видѣлъ“...

И вотъ опять отсутствіе позы: отличительно храбрые, георгиевскіе кавалеры не стыдятся своихъ слезъ, не стыдятся и говорить о слезахъ. Считаютъ это *естественнымъ*. Номо зшш... Мало того: они не скрываютъ, что имъ бываетъ порою страшно на войнѣ. „Сидимъ въ окопахъ, знаемъ, что сейчасъ закричатъ: „ура!““. „Итти на смерть... Кто дрожитъ, кто молится... А закричали — и всѣ лѣземъ, бѣжимъ... Тутъ ужъ только одно: какъ бы нѣмца ушибить“.—„А не хочется назадъ побѣжать?“—„Назадъ нельзя, назадъ хуже. Потерь больше. Какъ онъ въ спину-то начнетъ жарить... Это ужъ развѣ — неминуемая...“

Не всегда дрожатъ въ окопахъ отъ страха. Рассказывали двое раненыхъ, какъ въ одномъ дѣлѣ непріятель былъ близко и атаковать его представлялось удобнымъ, а команды: въ атаку! долго не было. Отъ волненія и нетерпѣнія солдаты такъ дрожали, что едва удерживали въ рукахъ винтовки, до тѣхъ поръ, пока не раздалось наконецъ жданное „ура!“ и они могли броситься на нѣмцевъ.

Вотъ онъ, „бранный пылъ“...

Своими личными подвигами никогда ни одинъ солдатъ не хвастаетъ. Иногда начнутъ рассказывать о той или другой горячей схваткѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ работаютъ штыки, приклады, гдѣ тысяча смертей: „Онъ на меня, гляжу, штыкъ наставилъ, а я его прикладомъ — баць! Другой со стороны лѣзетъ, совсѣмъ было, да ладно вскользь пришлось... тутъ ребята подбѣжали, помогли...“

„А я—только изъ окопа выскочилъ „онъ“, на меня винтовку наставилъ. Не далъ я ему выстрѣлить, винтовку успѣлъ схватить, да кулакомъ его! Онъ съ оплеухи свалился, а на

меня двое... Все же окопъ мы взяли“, прибавлялъ съ удовольствіемъ раскащикъ.

Увлекаются, рассказываютъ образно, живо и горячо, но только передаютъ факты, а чтобъ себѣ что-нибудь приписать выдающееся—никогда. Рассказываютъ свои впечатлѣнія, потому что сами ихъ переживали—и только.

Иногда забавно: тщеславятся пустяками, какъ напримѣръ Манухинъ своей молодецкой наружностью, или какъ сибирякъ Булатовъ, съ правдивыми глазами, хорошей человѣкъ, вралъ, увѣряя, что онъ ефрейторъ, — а тѣмъ, что дѣйствительно высоко, своей храбростью, преданностью родинѣ, никто не тщеславится. Это долгъ. „За тѣмъ шли“...

— *Еще должны бѣгомъ сотворити—сотворимъ...*

Продолженіе къ письму изъ Франціи.

„Для тезы я должна изучать нервныя заболѣванія арабовъ солдать. Я пошла съ профессоромъ въ военный госпиталь. Тамъ ухаживаютъ за больными какъ за принцами. Лечатъ очень интенсивно. Арабы больны тоской по родинѣ. Какъ дѣти кротки и послушны, но не любятъ принимать медикаменты, а все желали бы лечиться по своему, перцемъ съ медомъ и тому подобнымъ.

Здѣсь у раненыхъ есть паркъ, и они бѣгаютъ другъ за другомъ по аллеямъ. У нихъ есть площадка для футбола. Они цѣлый день на воздухѣ“.

Да, эти счастливицы скоро поправятся здоровьемъ!

* * *

Еще недавно отзывы серьезной печати объ упадкѣ нравовъ въ Россіи рисовали безотрадныя картины. Въ майской книжкѣ „Отдыха Христіанина“ за 1914 годъ читаемъ такія строки:

„Чистота женской души (пишетъ „Подолія“) стала оскверняться, красота ея стала увядать, благоуханіе—испаряться“. И ниже: „Душа ея медленно, но неуклонно опустошается, лишается высшихъ своихъ цѣнностей, теряетъ свою женственную красоту и прелесть. Утеравъ Бога, дѣвушка не нашла ничего взамѣнъ, пренебрегши запросами духа, она стала служить плоти“ (Церк. Обзор., стр. 688).

Немировичъ-Данченко, въ своей статьѣ „Женщина и танго“, идетъ еще далѣе.

Народъ... но видя его нравственное паденіе, его лживость, склонность къ безмысленной жестокости, злобу семейную и общественную, способность за деньги продать все, безвыходную темноту понятій, пренебреженіе къ самой элементарной честности—видя все это, не только мы, рядовые друзья народа, но и лучшіе люди родины теряли вѣру въ Россію, отчаявались въ ея возрожденіи. Достаточно вспомнить глубоко вѣрную дѣйствительности книгу Родіонова „Наше преступленіе“. Прочитавъ ее, одинъ знакомый мнѣ юристъ воскликнулъ:

— Да, это нашъ уѣздъ, но слѣдователь—не я!

Между тѣмъ, по слухамъ, факты, описанные Родіоновымъ, имѣли мѣсто въ совершенно другой губерніи. Слова, вырвавшіяся у слѣдователя, показываютъ, до какой степени общи были сѣверной и средней полосѣ Россіи приведенные Родіоновымъ звѣрства въ крестьянской средѣ.

Да, это правда, это было. И мужчины интеллигенты шли тоже, казалось, по наклонной плоскости...

Но вотъ—грянула Божьей грозой война, и все измѣнилось. Отпало демонское, осталось Божье.

Встали полки нашихъ крестьянъ-солдатъ съ Христомъ въ душѣ, съ честью въ совѣсти, и безропотно пошли на свою Голгоѳу.

Встала русская женщина и понесла на служеніе имъ полную искренность и безконечное состраданіе въ обновленной душѣ. Кромѣ принявшихъ на себя великій подвигъ, сестеръ милосердія, дамы изъ разныхъ классовъ общества, неустанно дежурятъ, смѣняясь по очереди, въ лазаретахъ городского союза, заботятся о хорошемъ приготовленіи пищи, о смѣнѣ бѣлья, о прогулкахъ, о развлеченіяхъ раненымъ.

И напрасно говорятъ о нихъ нѣкоторые изъ привилегированныхъ лицъ (одни лишь *привилегированные* и говорятъ подобныя рѣчи).

— Ужъ эти барыни! Занимались бы своими дѣлами. Только мѣшаютъ. И раненымъ надоѣли. Оставили бы ихъ лежать такъ...

„Такъ“, то-есть безъ участія и ласки, безъ сердечной заботы о ихъ нуждахъ, на произволь оффиціально приставленныхъ къ нимъ за жалованье разныхъ господъ.

Къ счастью это лишь отдѣльные и мало слышныя пока

голоса. И даже тѣ, которые говорятъ это, остаются сами въ сторонѣ отъ мощнаго потока работы русскихъ людей всѣхъ классовъ и убѣжденій на помощь родинѣ.

* * *

При общемъ душевномъ подъемѣ кажется страннымъ то малое участіе, которое принимаютъ наши духовные въ посѣщеніи лазаретовъ. Правда, что и для этого малаго—служенія всенощныхъ и молебновъ—въ двери нѣкоторыхъ лазаретовъ пришлось усиленно стучаться, однако личныхъ сношеній съ ранеными въ обычное для посѣтителей время никто не могъ бы запретить. Но этого почти не было. Батюшкамъ некогда, завалены отчетами, свѣдѣніями, служебными и семейными дѣлами. Невольно вспоминаются салютисты: сколько духовнаго, живого утѣшенія принесли бы они къ каждому одру! Въ той же майской книжкѣ Отдыха Христіанина приведены изъ статьи свящ. Грацинскаго въ Церк. Вѣстникѣ слѣдующіе слова:

„Подойди къ нимъ (прихожанамъ) ближе, пастырь, войди въ ихъ нужды, собери ихъ около себя, поговори съ ними такъ, какъ отецъ говоритъ съ своими дѣтьми,—мѣшаетъ ли, или можетъ мѣшать сему сейчасъ и всегда что-либо?“ (Церк. Обзор., стр. 691).

Мѣшаетъ многое и слишкомъ часто. Приходилось даже слышать отъ священника вопросъ:

—„Да о чемъ съ ними (ранеными) говорить?“ Утѣшительно, что въ городѣ все таки есть одинъ-два оазиса, гдѣ священники жалѣютъ раненыхъ, приходятъ къ нимъ по вечерамъ съ добрымъ и теплымъ словомъ для каждаго, съ отеческимъ наставленіемъ,—и какъ же любятъ, какъ высоко цѣнятъ своего батюшку въ этихъ счастливыхъ лазаретахъ! *Счастливыя*, потому что сердечное участіе и частыя посѣщенія священника не могутъ остаться безъ вліянія на весь ходъ лазаретной жизни.

Конечно не надо обольщать себя: много еще осталось мрака и зла въ народѣ, много своекорыстныхъ расчетовъ въ прочихъ классахъ. Темныя силы пританлись и молчатъ лишь до времени. Но мы уже знаемъ теперь, что живъ Богъ и жива душа народная.

Говоря о темнотѣ и злѣ деревни, вспоминаю недавній случай въ лазаретѣ П. М.

Къ веснѣ составъ обитателей его нѣсколько измѣнился. Среди опытныхъ, свѣдущихъ въ боевомъ дѣлѣ воиновъ начали встрѣчаться молодые солдаты, послѣ короткаго учебнаго времени едва попавшіе на позиціи и уже искалѣченные. Военная выправка стерлась съ нихъ въ лазаретѣ, и явно проглядываетъ милая, наивная деревенщина. Употребляютъ областныя слова, посѣтителемъ говорятъ „ты“. Они очень страдаютъ, но безропотны, какъ агнцы. Смотришь на нихъ и думаешь: вотъ искупительныя жертвы!

Лежалъ одинъ изъ такихъ, 22-лѣтній, съ отрѣзанною ногою. Ѳедя Смирновъ. Другой, рядомъ съ нимъ, Сеня, похожій на обезьянку, еще моложе, съ отмороженными ступнями, а далѣе—интеллигентъ, до войны служившій въ земствѣ, нервно разстроенный отъ восьмимѣсячной жизни въ окопахъ.

— „Эхъ вы, женихи!“ сказалъ онъ однажды первымъ двумъ.
„Женихи вы съ изъянцемъ“.

— Да я женатъ, отозвался неожиданно Ѳедоръ. Двое дѣтей у меня.

Общее изумленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно было представить себѣ этого мальчика отцомъ семейства. Дѣтски кроткое лицо, простодушный взглядъ, медленный выговоръ, мягкій и флегматичный темпераментъ. Оказалось, что родители женили его насильно, 17-ти лѣтъ, потому что мать заболѣла и нужна была работница въ домѣ. А теперь, когда бѣднякъ лежитъ здѣсь безъ ноги, жену его начали обижать и гнать изъ дома. Началась обычная въ деревняхъ травля невѣстки, мелочная, но безпощадная. Ѳедоръ долго не зналъ объ этомъ, потому что писалъ ему письма всегда отецъ, и онъ отвѣчалъ на имя отца. Но вотъ жена его отпросилась въ гости къ своей матери, и оттуда уже, украдкой отъ свекора и свекрови, написала мужу слезное письмо, прося совѣта и помощи. Характерно, что худшія неприятели вышли изъ за полочки ея шестидесяти рублей пособія, изъ которыхъ она издержала на себя и дѣтей четыре рубля: свекоръ и свекровь не прощали ей этого, потому что на ея деньги смотрѣли, какъ на собственныя. Ѳедя отвѣтилъ женѣ сочувственнымъ пись-

момъ, гдѣ и побранилъ немного ея обидчиковъ, но, посылая письмо, ошибся и по привычкѣ написалъ адресъ на имя отца.

Послѣ этого онъ тосковалъ нѣсколько дней, причемъ Семенъ, принимавшій сердечное участіе въ его дѣлахъ, больше жалѣлъ его, а земець горячился и упрекалъ.

— „Ты вѣдь подвелъ жену! Теперь ее навѣрно выгонять. Какой ты мужъ! Пороть тебя надо было, пороть, а не женить!“ восклицалъ онъ.

Бѣдняга слушалъ эти укоры, не протестуя. Онъ и самъ былъ бы не прочь вѣроятно, чтобъ его выпороли четыре года тому назадъ, лишь бы не женили...

По милости Божіей все обошлось благополучно. Я твердо говорю: по милости Божіей, вѣря, что этихъ простыхъ и несчастныхъ людей бережетъ Господь. Есть удивительная народная пословица: „на стриженую овечку Богъ тепломъ дуетъ“. Развѣ не такую стриженую, безпомощную овечкой былъ этотъ калѣва Федоръ?

Существуетъ въ деревнѣ нелѣпный обычай прочитывать чужія письма, посланные для передачи. Такъ, и это письмо попало съ почты въ руки одного сосѣда Федоровыхъ родителей; но прежде чѣмъ передать, сосѣдъ изъ любопытства прочиталъ письмо, и появъ въ чемъ дѣло, передалъ его не по адресу, а по дѣйствительному назначенію—женѣ.

Дурной обычай сослужилъ на этотъ разъ добрую службу.

* * *

Рахиль плачущая...

Въ городѣ это не такъ замѣтно. Но заглянешь въ деревню, спросишь, гдѣ знакомые, веселые молодцы? Гдѣ силачи запасные, опытные бойцы японскаго похода? Отвѣтомъ—слезы матерей, женъ... Россія, какъ древняя Рахиль, плачетъ отъ края и до края о дѣтяхъ своихъ и не можетъ и не должна утѣшиться, потому что ихъ нѣтъ...

Невыносимою была бы скорбь. Но мы поемъ: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ...“, „Падшимъ подавай воскресеніе!“ Въ войнѣ дорогѣ намъ въ этотъ тяжкій годъ Пасха, какъ залогъ свѣтлой надежды, что убитые на служеніи долгу дѣти народа, наши сыновья и братья, наши многострадальные

воины, воскреснуть вновь къ жизни. Воскреснуть не въ легендахъ и пѣсняхъ („и тѣ, кто пали жертвой лавы, среди покинутыхъ долинъ, воскреснуть въ памятникахъ славы, въ святыхъ преданіяхъ былинь. Христось воскресъ!“.. Нива, № 12-й, стихотв. Сергѣя Михеева) о, нѣтъ! воскреснетъ каждый изъ нихъ въ полной своей индивидуальности, чтобъ войти въ радость Господа своего... Не будь этой надежды, какъ возможно было бы перенести весь ужасъ совершающагося на кровавыхъ поляхъ?

И еще мелькаетъ одна мысль... „Не рыдай такъ безумно надъ нимъ, хорошо умереть молодымъ!“ Хорошо умереть героемъ и мученикомъ, не растративъ своихъ душевныхъ сокровищъ.

Вотъ письмо къ вдовѣ, крестьянкѣ одной изъ сѣверныхъ деревень, отъ совершенно чужого и незнакомаго ей ротнаго командира съ Карпатъ.

„Съ глубокой скорбью извѣщаю васъ, что сынъ вашъ, Сергѣй Новиковъ, погибъ въ бою въ Карпатскихъ горахъ. Сергѣй былъ у меня въ ротѣ лучшимъ унтеръ-офицеромъ, на смѣлость и умъ котораго я всегда надѣялся, но вражеская пуля сразила его, когда онъ, во главѣ своего взвода, взялъ окопы австрійцевъ, находившіеся на большой горѣ, и сталъ преслѣдовать ихъ. Онъ, какъ настоящій сынъ отечества и воинъ, выполнилъ свой долгъ. Онъ оставилъ завѣщаніе—если будетъ убитъ—похоронить его съ винтовкой, что и исполнили и поставили крестъ. Память о Сергѣѣ не умретъ въ ротѣ, его карточка будетъ висѣть въ ней.

Онъ—гордость всей роты и полка—имѣлъ Георг. крестъ. Мы гордимся имъ и глубоко сочувствуемъ вамъ. Командиръ 5-й роты, поручикъ М.“

Другое письмо къ ней же отъ солдата 5-й роты.

„Дорогая тетенька; Я ваше письмо получилъ 8-е Февраля и я вамъ пишу отвѣтъ. Вашего родного сына, Сергѣя Васильевича Новикова убили, онъ былъ мой взводный командиръ. Еще увѣдомляю я васъ, дорогая тетенька, что вашъ сынъ, С. В. убитъ на полѣ брани 6-го февр. въ 4 часа дня. Сумасшедшая австрійская пуля попала въ лобъ на вылетъ. Погибъ за вѣру, Царя и отечество на чужой сторонѣ. Онъ былъ намъ всѣмъ какъ отецъ. Получилъ Георгіевскій крестъ. И на его могилѣ мы поставили крестъ такой (нарисованъ

деревянный восьмиконечный крестъ). Такъ что, дорогая тенька, теперь вы много не беспокойтесь, онъ спокойно лежитъ въ сырой землѣ“.

Сергѣй этотъ, Сережа, какъ его всѣ звали на родинѣ, былъ удивительный, какой-то благодатный юноша. И въ своей деревнѣ, и въ сосѣднихъ, всѣ его любили, когда онъ росъ и былъ еще мальчикомъ. Приятно было встрѣтить его, съ его всегдашней ласковой, свѣтлой улыбкой, когда онъ ѣхалъ, такой маленькій, съ большимъ возомъ или боронилъ въ полѣ. Онъ былъ добрымъ сыномъ, добрымъ сосѣдомъ, незамѣнимымъ работникомъ. И все дѣлалъ, точно шутя, точно радуясь, и говорилъ одно доброе. Бываютъ такія свѣтлыя души. И его уже нѣтъ. Кажется, потеря безцѣнная, но...

Но въ той мѣстности, гдѣ родился Сережа, существуетъ губительный для души и христіанскаго сознанія прочно вкоренившійся обычай отправлять всю молодежь на мѣста въ Петроградъ. И не для работы, что было бы еще сносно, а для того чтобъ служить прикащиками у крупныхъ рыбныхъ торговцевъ, направлять всѣ силы ума и тѣла на торговые извороты, помогать толстосуму наживать капиталы и самимъ тупѣть нравственно. Развратъ, который вносится этимъ обычаемъ въ деревню, безграниченъ. Не физическій развратъ, а чисто нравственный—привычка ставить выше всего богатство, способность наживать деньги, и считать ни во что потерю совѣсти. И несомнѣнно, возвратись Сережа живымъ и цѣлымъ съ войны, онъ также поѣхалъ бы по проторенной дорожкѣ въ прикащики въ Петроградскую лавку или на рыбные промыслы выжимать сокъ изъ инородцевъ. Одинъ, тоже теперь убитый, славный солдатъ, послѣ японской войны, искренно и усердно желалъ завести дома хорошее крестьянское хозяйство и жить землей, но ему не удалась эта попытка пойти противъ „общественнаго мнѣнія“ испорченной деревни. И жена, и его родные, и сосѣди, всѣ, не переставая, посылали его за наживой и онъ поѣхалъ... на Амуръ, чтобъ тамъ проводить нелѣпую жизнь, съ утра до вечера колотя своимъ могучимъ кулакомъ лѣнливыхъ корейцевъ, работниковъ на промыслѣ его степенства, толстосума...

Жаль Сергѣя! Но какъ не сказать его матери:

— „Не рыдай такъ безумно надъ нимъ! Хорошо умереть молодымъ.“

Безпощадная пошлость ни тѣни
Наложить не успѣла на немъ.
Становись передъ нимъ на колѣни,
Украшай его кудри вѣнкомъ!“

На послѣдней карточкѣ, посланной незадолго до смерти, унтеръ-офицеръ Новиковъ стоитъ съ тою же свѣтлою улыбкой на добромъ лицѣ, съ какою его привыкли видѣть на родинѣ всѣ, знавшіе его...

* * *

Сколько интереснѣйшаго этнографическаго и психологическаго матеріала даетъ эта война, даже тыль ея—лазареты! Сколько разнообразныхъ типовъ!

Вотъ богатырь на костыляхъ, обросшій кудрявыми волосами и кудрявою длинною бородой. Онъ говѣлъ въ церкви близъ лазарета П. М. и, возвратившись въ 3-й этажъ, лежалъ въ изнеможеніи отъ усталости и ревматическихъ болей въ ногѣ, почти не поднималъ вѣкъ, едва могъ отвѣчать на вопросы. Но уже на другой день, отдохнувъ, онъ шутилъ. Говорилъ: „вотъ, бѣгаю!“ торопливо переставляя свои костыли, и красивое, умное лицо его освѣщалось веселой улыбкой. Это былъ переселенецъ изъ Ставропольской губ. въ Семирѣченскую область, чистокровный русакъ. Онъ десять лѣтъ искалъ привольнаго мѣста для житья, и нашель рай въ Семирѣчѣ. Да, еще есть райскія мѣста на землѣ, гдѣ черноземъ не выпаханъ, трава по поясъ, въ лѣсахъ растутъ крупныя яблоки и земля не расхватаана по клочкамъ. За то и ѣхать въ эти мѣста надо 20 дней отъ ближайшей желѣзнодорожной станціи. Красивый богатырь, имѣя 8 человекъ дѣтей, огорчался только своей болѣзнью, а не тѣмъ, что болѣзнь эта лишитъ его работоспособности, что всего болѣе мучило другихъ раненыхъ.—„Проживу и безъ работы, отъ одного скота“, говорилъ онъ.—„Дома ты поправишься“, говорили ему.—Не шутка и дома поправиться. Вотъ, развѣ,—есть у насъ недалеко горячіе ключи,—развѣ это поможетъ“.

По временамъ онъ очень страдалъ отъ ревматическихъ болей. Въ одинъ изъ такихъ дней „мамаша“ принесла ку-

сокъ мягкой байки и обвернула ему ногу. Онъ лежалъ, не шевелясь, пока она это дѣлала, когда же кончила, онъ взялъ ея руку и молча притянулъ ея пальцы къ своимъ губамъ.

Потомъ онъ уѣхалъ, и исчезъ для нея навсегда въ огромномъ пространствѣ, называемомъ Россіей.

Вотъ другой богатырь, Самсоновъ, такой же благодушный, но далеко не такой красивый и умный, какъ первый. Это типъ Каратаева, или вѣрнѣе, Алеши Горшка, любимый типъ Толстого. Доброта и смиреніе Самсонова безграничны. Надъ нимъ смѣются, дразнятъ—впрочемъ безъ злобы, въ шутку, спрашиваютъ, тербитъ ли его жена? Онъ не смѣется, но и не обижается ничѣмъ, ни на минуту не выходитъ изъ своего благодушнаго, спокойнаго состоянія.

Однажды онъ попросился гулять, надѣлъ мундиръ, сапоги и въ такомъ видѣ, слегка разставивъ ноги, всталъ передъ товарищами, какъ эмблема неуклюжей, но могучей, силы. Постоявъ, надѣлъ шинель и папаху, убійственную папаху, высокую косматую, самую дикообразную. Когда онъ возвратился съ прогулки, то былъ встрѣченъ градомъ шутокъ.

— Ну что, нѣмцы на улицахъ не попадали отъ страха передъ твоей шапкой? (городъ былъ полонъ высланныхъ германскихъ подданныхъ).

— Ты и на позиціяхъ этой шапкой нѣмцевъ пугалъ?

— Онъ не стрѣлялъ, только пугалъ!

— Гдѣ ему стрѣлять! Онъ и нѣмцевъ-то не видалъ.

— Врешь, видѣлъ, невозмутимо отзывается Самсоновъ

— Гдѣ видѣлъ? Здѣсь, на улицѣ?

Конечно, это вздоръ, будто Самсоновъ не видалъ на войнѣ нѣмцевъ. Будь онъ умнѣе, онъ могъ бы получить даже отличіе за храбрость. Однажды носилъ онъ патроны войскамъ черезъ обстрѣливаемое поле, и носилъ не ползкомъ, а обыкновенною походкой. Посланы были три солдата, но двое подъ вѣстрѣлами бросились на землю съ своими ящиками, онъ же донесъ свой. Возвращается, а товарищи просятъ: „тебѣ все равно, унеси и наши патроны!“ Онъ взялъ ихъ ящики и отнесъ. Въ окопѣ неблагодарные начали хвастать: „на нашу долю Богъ послалъ дурака!“ Услышавъ это нехорошее хвастовство фельдфебель и задалъ имъ нагоняй, чѣмъ Самсоновъ остался доволенъ, какъ возстановленіемъ нарушенной справедливости.

Возможно, что онъ былъ не такимъ глупымъ, какимъ его считали. Въ лазаретѣ тоже называли его часто дуракомъ, на что онъ отвѣчалъ если не классическимъ „ву что же!“, то равно добродушнымъ: „не всѣмъ же умнымъ быть“. Впрочемъ его здѣсь не обижали, скорѣе любили, называя больше не по фамиліи, а по имени, Николаемъ Ивановичемъ.

„Разъ прихожу, рассказываетъ мамаша,—всѣ смотрятъ на что-то, столпившись, говорятъ: „дуракъ снялся!“—Что у васъ тутъ?—Дуракова карточка.—Что такое?—Карточка. И Самсоновъ подаетъ ей... свою. Онъ снялся, когда ходилъ гулять“.

Рана, приведшая его въ лазаретъ, была сравнительно легкою. Выздоровѣвъ, онъ былъ назначенъ на комиссію и зналъ, что его отправятъ на войну. Сбирался сказать врачамъ: „я здоровъ, готовъ идти на позиціи, только отпустите побывать домой“. Всѣ смѣялись, зная, что подобная просьба имѣла мало шансовъ на успѣхъ.

Когда мамаша приносила что-нибудь Николаю Ивановичу, онъ былъ всегда тронутъ и благодаренъ.—„Спасибо, спасибо мамаша, спасибо барыня“, бормоталъ онъ безъ конца.

Дня за два до комиссіи она положила передъ нимъ на столикъ кусокъ пирога. Онъ въ это время возился, вставая съ постели, но при ея приближеніи сѣлъ.

— „Вотъ, поѣшь пирожка“.

— Спасибо мамаша, спасибо.

— „Ты пойдешь?“ спросила она, положивъ ему руку на плечо, чтобъ заставить его сидѣть спокойно.

— Пойду.

„Храни тебя Богъ“.

— Что же, воля Божья, какъ Ему угодно, ничего не подѣлаешь!..

И онъ опять заоборачивался, нагнулся, ища подъ кроватью туфель.

— „Николай Ивановичъ! Да подымись ты, послушай!“

— Ну!

— „Ежели что случится, сказала она тихо и грустно, помни, что Богъ къ тебѣ близокъ за твою доброту...“

Не часто, быть можетъ, слыхалъ этотъ человѣкъ серьезное и сочувственное слово. И онъ понималъ. Такимъ же серьезнымъ и тихимъ голосомъ онъ отвѣтилъ:

— „Ничего, мать“.

Это значило: я не боюсь страданій и смерти, иду на все. И еще: цѣню твою заботу.

* * *

Изъ солдатскихъ писемъ.

Изъ деревни, отъ Бѣлкина.

„Имѣю честь скорыми шагами сообщить вамъ, домой доѣхали благополучно, дорога мнѣ стоила 2 р. 60 коп. Въ дорогѣ было холодно, одежда плохая, да вы сами знаете. Позябъ изрядно. Но! это не важно. Домой пріѣхалъ въ субботу, въ 8 ч. вечера. Счастливымъ этотъ день для моей женки и дѣтей, съ великимъ восторгомъ и радостью встрѣтила, со слезами на глазахъ встрѣтила своего хозяина „меня“. Сынъ мой Миша отъ радости не успокоивался цѣлую ночь, мало пришлось поспать. Но! только встрѣчали не всѣ такъ сердечно!..

Начинаю обживаться, привыкаю къ домашней жизни.

Мой братъ писалъ относительно нашихъ мужиковъ, что не падаютъ духомъ. Это вѣрно! всѣ молодые и взрослые, вѣрятъ въ окончательную побѣду надъ нѣмцами. Дома меня посѣщали вновь призванные новобранцы, они говорятъ: не пощадимъ своей жизни, будемъ грудью стоять за свою дорогую родину, вѣру и Царя! Въ нашемъ мѣстѣ духъ не падаетъ, даже семейные ратники съ великимъ желаніемъ согласны идти противъ враговъ. Герои наши мужики. Новобранцы всѣ бодрые и веселые. За здравіе ихъ урра Русское!“

Отъ орловца Федотова, отпущеннаго на 6 мѣс. домой передъ Рождествомъ.

„Спѣшу увѣдомить, что я доѣхалъ въ добромъ здоровьѣ пріѣхалъ за день праздника. Когда я пріѣхалъ домой, вошелъ въ хату, жена моя когда увидала меня, бросилась на шею, и рада, и очень съ радости плакала, дѣти мои цѣлуютъ обнимаютъ за шею. И очень я былъ радъ. Они меня ни сколько не ждали, я не писалъ“.

Отъ Перевалова, съ переднихъ позицій.

1. „Что вы просили у меня, какъ мы наступаемъ на нѣмца мы забрали въ плѣнъ 526 человекъ и убитыхъ много и раненыхъ, и съ нашей стороны много убитыхъ и раненыхъ,

ну все-таки меньше нашихъ. Нѣмесь укрѣпился сильно, даже у кажнова солдата чита (щитъ) что не пробиваетъ пуля ружейная, забрали у нихъ вного читовъ, одинъ солдатъ нашъ забралъ читу и онѣ стали стрѣлять по немъ, закрылся онъ читой, попало 3 пули въ читу, только отскакиваютъ отъ читы пули, такъ пришелъ въ свой окопъ. Онѣ говорятъ нѣмцы намъ, мы оттого воюемъ, что намъ забрать Аршаву, я сказалъ нѣмцу, тогда вы возьмете Аршаву, когда вашъ Вильгелма увидить у себя затылокъ, тогда вы возьмете Аршаву; нѣмецъ разговариваетъ хорошо по русски“.

2. „Я получилъ отъ васъ вторую посылку, спасибо вамъ; какъ я распечатадъ посылку, кажиной солдатъ просить: дай мнѣ маленько, Матвѣй! я даю по маленьку, кому калыбаски, кому сыру, кому селетки, далъ командиру селетку сказалъ: спасибо, Матвѣй; очень меня любить, я чичасъ у его конюхомъ, у командира. Далъ товарищу Силину селетку и калбасъ, одинъ кружокъ себѣ оставилъ, поѣлъ я лучше какъ съ медомъ, очень хорошо, аппетитно. Увѣдомляю я васъ, что бои кажный день и ночь идутъ, вного бьютъ и ранятъ солдатъ, кажный молится Богу. чтобы Богъ даль миру, болѣютъ ногамъ и головамъ, у кажнаго тѣло чешется, вного гнусу, заѣли совсѣмъ, у кого язвы, у кого чирь“...

3. „Христось воскресе! Христосуюсь съ вамъ, дорогія мои, покуда у насъ, слава Богу, тихо,—столкновеній никакихъ нѣтъ съ нѣмсемъ тотъ стоитъ на своемъ мѣстѣ, мы стоимъ тоже. Спасибо вамъ за подарокъ, я получилъ отъ васъ сапоги и въ сапогахъ лежало слатенькое. Я получилъ какъ разъ на первый день Пасхи, чичасъ поставилъ чаю, посадилъ съ собой трехъ солдатъ, и распечаталъ конфеты и напоилъ солдатъ и далъ полякамъ по двѣ штучки. Слава Богу разговѣлся очень хорошо; какъ сталъ разговляться я заплакалъ горькимъ слезамъ о своемъ семействѣ“.

4. „Есть здѣсь бѣдный солдатъ, у его жена и двое дѣтей; нѣтъ у его не дома и не земли, не отца не матери, онъ стираетъ бѣлье у нашего взводнаго, я его кормлю, что только у меня есть, дѣлюсь пополамъ; какъ посмотреть на меня, такъ заплачетъ. Я его спрошу, что ты плачѣшь, онъ говорить: я, Матвѣй, дома ѣлъ досыта аржанова хлѣба“.

5. „Какъ нѣмецъ пойдетъ въ атаку, такъ и пропадъ, то заберуть наши въ плѣнъ, то убьютъ. Не беретъ ихняя. Си-

дятъ въ окопахъ близко, разговариваютъ съ нашимъ солдатомъ. Нѣмесь кричить: эй, русакъ, не высовывай голову, то наши будутъ стрѣлять по вамъ гранатамъ. Другъ друга берегутъ“.

Изъ писемъ младшаго унтеръ-офицера, поляка Д.

1. „Многоуважаемая N. N.

Увѣдомляю васъ, что я попалъ на комисію и назначенъ въ Дѣйствующую Армію, но я боленъ еще. На это вниманія не было, но я не страшусь, ѣду пока буду въ силахъ, но скоро опять, чувствую, заболѣю; въ душѣ какъ-то радостно, а здоровье плохо. Благодарю за книги хорошія; куда заѣду и гдѣ буду—пришлю вамъ письмо. Навѣрно больше не придется видѣться съ вами, но пока живъ, буду помнить васъ. Сегодня уѣзжаю. Вспомните можетъ меня когда вы еще, я привыкъ къ вамъ, не хотѣлось даже ѣхать, но не наша воля. Остаюсь покорный вамъ Д.

Bóg z nami“.

2. „Увѣдомляю васъ, что я благополучно доѣхалъ до назначенія своего; сейчасъ, конечно, часто заболѣваю, но не выказую. Мнѣ сейчасъ ничего, хотя трудно, но трудъ нашъ привычный, обучаю новобранцевъ. Сейчасъ немного теплѣе стало, то лучше для насъ. Жду отъ васъ письма съ нетерпѣніемъ“.

3. „Благодарю васъ, что вы не забываете меня, останется навсегда у меня на душѣ ваша добрая ласка! Я, слава Богу, пока живу хорошо, Пасху, не знаю, гдѣ буду, навѣрно здѣсь. Я записанъ куда-то, но не знаю хорошо, куда именно; мои товарищи уже уѣхали на войну. А я еще здѣсь и приходится обучать новобранцевъ, но ничего, нужно и это дѣло! Надѣюсь имѣть счастье получать отъ васъ письма всегда. Цѣлую васъ и ваши бѣліе руки. Остаюсь преданнымъ вамъ Д. Niech Będzie pochwalony Jezus Chrystus“.

4. „Христосъ воскресъ!

Спѣшу васъ поздравить съ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія и желаю вамъ въ радости проводить его. Не думалъ я никогда, чтобы уѣхать домой, однако былъ отпущенъ на 6 сутокъ, дома былъ двое сутокъ — первый и второй день праздника, и то сколько радости было въ дому! Мама какъ увидала и заплакала и говорить: какой черной стала, не такой, какъ уѣхалъ! Побылъ дома хоть на 4-мъ

году службы, слава Богу. Сегодня прѣхаль, свое дѣло буду продолжать дальше. Здѣсь еще снѣгъ, у насъ дома нѣтъ его, тепло“.

5. „Многоуважаемая милая госпожа N. N.!

Имѣю счастье сегодня получить ваше почтенное письмо, пришедшій со стрѣльбы; все молодыхъ солдатъ училъ. Я глубоко тронуть вашимъ письмомъ, что вы Богу молитесь за насъ, отъ всей души благодарю васъ. Также я всегда молю Бога и за тѣхъ, которіе невѣрніе, я никогда не люблю тѣхъ людей, которіе говорятъ сквернія рѣчи, и ухажу всегда всегда отъ нихъ, люблю съ тѣмъ говорить, кто говоритъ о хорошемъ святомъ дѣлѣ, такъ какъ я всегда былъ у хорошихъ своихъ родителей, которіе живутъ по Божьему, также все наше семейство глубоко вѣримъ во всѣхъ тѣхъ святыхъ, въ которыхъ и вы вѣрите. Я прѣхаль домой въ субботу вечеромъ; въ нашемъ домѣ ежегодно собраніе къ этому великому празднику, всегда пѣсни поютъ духовныя и читаютъ всѣ поляки и русскіе, у насъ за одно всѣ—шляхта, szlachetne ludzie. Было радости много съ распросами у меня; смотрѣли какъ на какого пришедшаго съ другого свѣта. Благодарю васъ, что вы пишете: жаль вамъ, ежели выѣду на войну. Христось принялъ всѣ грѣхи людей на себя и открылъ небо для указанія пути намъ, поэтому я долженъ всѣ свои обиды и тягости переносить съ благодареніемъ Бога, я всегда Бога благодарю. Я жилъ дома ничего не имѣлъ, никакихъ затрудненій, а теперь не такъ. Остаюсь вамъ вѣрній и любящій, гдѣ бы я ни былъ“.

Приписка: „прощайте, завтра уѣзжаю на войну. Мой товарищъ перешлетъ вамъ это письмо и карточку. До свиданія, остаюсь любящій васъ до смерти Янъ Д.“.

А. Купреянова.
